

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №24 ГАЗЕТА

Современная повесть

95
1927-2022

СИТНИКОВ Владимир Арсентьевич

Родился 28 июля 1930 года. Закончив университет в 1954 году, поступил работать в газету «Кировская правда».

Первая повесть «Ищу призвание» вышла в 1958 году в Кировском книжном издательстве. В качестве корреспондента объездил все районы области. Печатал свои повести, очерки, романы, пьесы в журналах: «Юность», «Знамя», «Север», «Наш современник», «Волга», «Нева» и других. Автор более 50 книг прозы, среди которых повести: «Белогривская метелица», «Русская печь», «Восемнадцатая весна», «Горячее сердце», «Из огня да в полымя», «Летние гости», «Бабье лето в декабре» и многие другие. Лауреат ряда всероссийских литературных премий и премии Союза журналистов СССР. В «Роман-газете» вышли романы «Эх, кабы на цветы да не морозы» и «Доктор, который может всё». Бессменный председатель редакционной комиссии энциклопедии земли Вятской. Живет в Кирове.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич

Родился в 1948 году в Минске. Окончил БГУ.

Автор двадцати четырех поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международной премии имени Марины Цветаевой, обладатель главного приза Международного фестиваля «Золотой витьязь»-2022 в жанре поэзии и многих других.

Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная».

Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины (2019), а также одноименной медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Живёт в Минске.

РОДОВЫЕ ВЕРИГИ

К 70-летию Андрея Шацкого

Кажется, совсем недавно Л. А. Аннинский написал о творчестве поэта: «Здесь мы прикасаемся к глубинной сути понятия: для Шацкого важна верность души той земле, с которой тебя породнила судьба; лучше эта земля или хуже — этот вопрос не стоит и не обсуждается...», и вот, автору исполняется 70 лет.

Лирика Андрея Шацкого в сознании читателя прочно связана с той литературной территорией, на которой встречаются и взаимодействуют искусство слова, переменчивая планида певца, православные контуры неба и былинная слава древней Руси. Эти черты в разной степени присутствуют в стихах поэта, но никогда не покидают его строки совсем. Лирический герой Шацкого отчетливо сопоставим с проживаемой нами сейчас эпохой, когда, казалось бы, уже названы и многими приняты как единственно верные духов-

ные ориентиры родной земли, однако личное одиночество угнетает душу и распространяется все шире и шире. Судя по всему, распад советской страны оставил в душе современного человека незаживающую рану, надлом, который мешает ему расправить плечи и властно заявить о своих чаяниях.

Его часто сравнивают с поэтами Серебряного века. Вероятно, основания для такого сопоставления есть. Однако Шацков, скорее, близок авторам первой волны русской эмиграции, которые постепенно стали осознавать, что жизнь скользит сквозь пальцы и нет таких сил, которые могли бы ее удержать и вернуть былое. Вот только прошлое у современного поэта и у давних его предшественников совсем разное, тем не менее, само чувство, с которым проживаются мгновения во втором десятилетии нового тысячелетия, чем-то удиви-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении
использованы картины
Владимира Галатенко

Права
на использование
товарного знака

«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**
в объединенном
каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №24 /1917/ Основана в 1927 г.

Современная повесть

Владимир Ситников

Чёрный квадрат

Повесть

Этот день у Антоши Зимина начинался счастливо. Преподаватель худучилища Николай Осипович, всегда с весёлой подначкой оценивающий этюды, на сей раз озадаченно поскрёб указательным пальцем седеющую гриву волос на затылке, когда увидел Антошино творение «Черноглазая в оранжевом купальнике».

— Где эдакую красотулю откопал? — бросил вопрос, не ожидая ответа.

— Да водятся такие в наших реках, — туманно ответил студент.

Антоша, конечно, не признался, что это его зазноба из кулинарного колледжа Светка Выдрина. Светка не только красивая, но ещё и такая отчаянная, что согласилась бы позировать голышом, как кустодиевская «Красавица», да сам он не решился делать обнажёнку. Ещё кто-нибудь распознает Светку. А «Черноглазую в оранжевом купальнике» он, может быть, назовёт, как Иван Крамской — «Неизвестная», хотя многие догадаются, что это Светка, потому что видели её с Антошей не раз на дискотеке и просто на улице.

С портрета, лукаво улыбаясь, смотрела наивная невинность. Чёрные, как маслянистые оливки, глаза были полны озорства и веселья. И то, что студент сумел передать это очарование юности, тронуло Николая Осиповича.

— Пёрсик, как говорят грузины, — прокомментировал он.

Сам Николай Осипович Кондратов — известный в Крутогорске, да и в области, тонкий пейзажист, к портретам обращался редко. А фривольности вообще не допускал. В его училищное время как-то стыдились обнажёнки. Ну а когда сделался признанным живописцем, заслуженным художником, стал обнажённых натурщиц избегать. Казалось ему неприличным, да и, пожалуй, опасным, представлять картины в жанре ню. Что учащиеся будут говорить о нём, преподавателе, что подумает его скромница жена Верочка? Она преподаватель воскресной школы, а он такое греховное изображает. Уж не завёл ли на шестом десятке любовницу? Обычно «Венер» под

Кустодиева осмеливались писать разведённые художники, которым не перед кем было оправдываться в своей греховности. Представлял на выставки Кондратов серьёзные, целомудренные вещи: соборы с куполами, речное половодье, зелёные, поросшие топтуном и подорожником сельские улицы с козами и курицами.

Иным ученикам, дерзающим и мечтающим создать нечто необыкновенно смелое и зазвонистое, казалось творчество учителя старомодным, заимствованным чуть ли не из девятнадцатого века. А крутогорцы постарше были в восторге от художника Кондратова. Никто так достоверно и трогательно не изображал их город, да и деревню. И недаром закупали его картины для московских и питерских музеев, на память юбилярам.

А вообще по натуре своей был Николай Осипович человеком весёлым и компанейским. В училище его любили. Занятия он вёл весело. Разбирая этюды, читал Есенина, подчёркивая живописность его стихов. В его мастерскую заглядывали не только художники, но и поэты, артисты, архитекторы — все, кому хотелось снять усталость, побалагурить. А когда встречался Кондратов с художниками-одногодками, с которыми начинал учиться ещё в Чебоксарах, вообще в мастерской, забитой самоварами, трубицами, безменами, прялками, стоял такой гогот, что слышно было на улице.

Незабываемые 60-е. Как их забудешь? Жили тогда студенты худучилища весело, но голодно. В столовых часто обходились чайком, киселём да хлебом с горчицей. Иногда, подобно гоголевским барсукам, прихватывали по пути к кассе пирожок или котлетку и к раздаче успевали их проглотить бесплатно. Из дому помощь была скудная, куцая, стипендия таяла моментально. Гораздо зажиточнее жили музыканты и певцы. Эти аристократы из музучилища где-то пели, играли, танцевали и имели от этого навар. А художникам приходилось выгружать картошку из вагонов, арбузы с барж, идущих из Камышина. Разбившийся вдребезги арбуз расхватывали мгновенно. Кое-кто попадал после такой трапезы в инфекционную больницу. Руки-то были в грязи. И, по словам Николая Осиповича, возникало у проблемы столько граней, сколько их в гранёном стакане.

Любили Николая Осиповича не только художники, но и архитекторы, артисты, литераторы. Свои крутогорские поэты не обходили его мастерскую. Зашли как-то два поэта, только что издавшие стихи под одной обложкой, чтоб подарить сборничек Николаю Осиповичу.

Человек хлебосольный, он тут же поставил воду для пельменей. А поэтам, севшим прямо на пол посреди мастерской, разонравилась сдержанная рецензия, напечатанная в газете, и они решили подвергнуть этот печатный орган сожжению.

Когда Кондратов заглянул в мастерскую, там уже польхал костерок, и огонь пытался добраться до за-

навесок. Пришлось Николаю Осиповичу выплеснуть уже подсолённую и заправленную лавровым листом воду из кастрюли, чтоб ликвидировать пожарец. В память об этом событии осталась на полу подпалина. Поэты собирались написать около выгоревшего места памятные слова: «Здесь были Коля и Валера», но не успели, потому что закатились на огонёк к Кондратову московские гости. Так безмянным и осталось кострище посреди мастерской. Николай Осипович взял тогда гитару и выдал для подъёма настроения свою любимую песню про «Голубые в полоску штаны». Она тоже напоминала о молодости. Начиналась эта песня безмятежно:

Берег медленно плыл над рекою,
Соловей заливался, звеня,
Ты сказала, склонивши голову:
— Покатал бы на лодке меня.
Мы с тобою на лодке катались,
Время медленно как-то текло.
Мы катались и всё целовались
И посеяли где-то весло.
А пока ты меня целовала
Без отрыва четыреста раз,
То весло между тем уплывало
И уплыло далёко от нас.
Но я времени даром не тратил,
Мигом вспомнил я о парусах.
Снял штаны и, как парус, приладил,
И мы вновь понеслись по волнам.
Но внезапно сменилась погода,
Ветер дунул с другой стороны,
И упали штаны мои в воду —
Голубые в полоску штаны.
Берег медленно к нам приближался.
Ты ушла, не сказавши двух слов,
А я бедный на лодке остался
Без весла, без любви, без штанов.

Такая вот шутейная трагедия случилась на реке наверняка с художником.

Студенты в полном объёме кондратовскую песню не знали, потому что при них он пользовался ею усечённо — только одной строкой из неё. Если этюд или эскиз были очень уж корявыми, Николай Осипович вздыхал:

— Д-да, получились пока голубые в полоску штаны, — то есть не ладно и не складно. И, конечно, о многом заставляла задуматься его фраза: «Перед тем как что-то нарисовать, посмотри, как прекрасен чистый белый лист».

Фраз таких студенты и особенно обидчивые студенточки побаивались. А голубые в полоску штаны определённо означали сплошную неумелость или безвкусицу.

Об Антоновых эскизах учитель, пожалуй, ни разу не сказал «голубые в полоску штаны».

И сегодня у Антона получилось всё «как надо».

Антоша был доволен своим портретом «Черноглазая в оранжевом купальнике», однако полной уверенности, что учитель не напомним о голубых в полоску штанах, не испытывал. Мало ли. Вдруг не такой привлекательной, как ему кажется, получилась фигура купальщицы. Может, зря набрался нахальства и притащил эскиз прямо в мастерскую к учителю, а не в училище. Но вот стало невтерпёж услышать самое авторитетное мнение.

Николай Осипович был доволен третьекурсником Зиминим. Он ведь его ещё ребёнком в школьной студии приметил. А теперь понял, что из этого застенчивого долгана должен выйти неплохой живописец. Антон Зимин то и дело представлял вещи, в которых ощущался какой-то самобытный свежий взгляд. То изобразит, как трактор в светлый от снега и солнца день на волокуше тащит целый стог сена по слепащей белизне. А на стогу для оживляжа мальчишка с собачонкой. И называется картина «Февральское солнце».

Где он такое увидел? Оказывается, побывал в каникулы у бабки Дуни в деревне Сколотни и там вот такое происходило. А однажды свою бабку Дуню за прялкой нарисовал, дядю Валентина с ружьём в зимнем лесу.

— Хвалю, — положив могучую руку на плечо Антона, одобрил Николай Осипович. — Оставляй свою «Черноглазую». Надеюсь, на пленэре ещё что-нибудь выдашь, — сказал Николай Осипович.

Он помнил, что был у Антоши замысел написать портрет старого лощмана, смотрящего на реку, а ещё изобразить собирался он соловецких жителей, выкатывающих осенью бочки со знаменитыми своими солёными огурцами из родников, чтоб отправить на продажу в Воркуту или Инту. Там их хрусткий товар знают и почитают. Наверное, такая осенняя картина понравится любителям живописи и обожателям родных мест.

— Не опаздывай! Пленэр — это живой родник, так что попьём живой воды.

Как можно опаздывать?! Пленэр — долгожданная пора, когда появляется возможность показать себя, ну и ещё ближе сойтись со своими однокурсниками. И, конечно, подёргать неуёмную рыбёшку шаклюю. А если удастся, походить с бредешком по мелководью, чтоб наловить рыбы для общей ухи, попеть у ночного костра, вообще будет клёво. Что может быть приятнее таких часов?

Приезжали на пленэр свои, уже маститые художники пообщаться с молодёжью. Иногда с гостями из Москвы. Преподаватели заискивали перед столичными гостями, а Николай Осипович был всегда обычным. Так же отпускал шутки и даже свои любимые песни затягивал, стихи Есенина читал у костра с упоением.

Антон был благодарен Николаю Осиповичу за то, что тот заботится о нём, выделяет из всех подопеч-

ных, даже взял его как-то в Москву на выставку, чтобы показать не только Третьяковку и музей имени Пушкина, где классика, а ещё сводил посмотреть на картины Ильи Глазунова и Александра Шилова. Самому Николаю Осиповичу нравились полотна этих художников, хотелось, чтобы ученик Антоша Зимин тоже оценил мастерство живописцев и философский замысел картин и портретов постиг.

Об очень умном и важном на обратном пути в вагоне толковал Николай Осипович. А Антоша стыдливо переживал, что у него позорно мало осталось денег и едва набиралось на плакатное место. Кондратов возле кассы, решительно отстранив Антошину руку с щепоткой купюр, сам купил два билета в купейный вагон и вот теперь потчевал ученика бутербродами и пирогами. Антон мучительно стеснялся. Очень унижительно быть безденежным и голодным. Всё это прекрасно понимал Николай Осипович. Вот и рассуждал о судьбе живописцев, а потом подвёл итог: «Всё это мелочи. Главное, чтоб всегда было желание творить».

А Антона к мольберту тянуло. Особенно после этой поездки с учителем в Москву, где так много увидел незабываемых полотен. Его просто распирали от впечатлений.

Конечно, пёстрый студенческий десант на пленэре всегда выглядел внушительно. Ещё бы, они же хоть студенты, но уже художники. Будущие, конечно, но кое-что уже у них имеется. Во всяком случае, сидят около этюдников сосредоточенные и думающие о себе возвышенно творцы. Особенно девчонки красиво смотрелись.

Жители села Соловецкое проходят мимо художников с опаской и почтением, как бы не помешать талантам. Вот и Антоша завтра будет высидывать свой «шедевр». Есть у него задумка нарисовать деревенских парнишек-рыбачков, которые угнездились на перевёрнутой старой лодке со своими удилишками, дёргают серебристую шаклюю. И очень довольны.

Это будет первая из целого цикла его картин под общим названием «Хорошим людям должно хорошо жить на своей земле, потому что она родная». И, может быть, «Черноглазая в оранжевом купальнике» тоже попадёт в этот цикл.

Долго ли собратиться студенту на пленэр? Вылинявший заплечный мешок всегда наготове. Мольберт заряжен тюбиками с красками, а провиант мамочка заготовила. Свитер, куртка, сапоги для путешествий по утренней росе, тоже ждут его. Всё на мази. Хватит времени у Антона ещё и свою красотулю Светку увидеть, обрадовать вестью, что Николай Осипович портрет купальщицы похвалил.

И вот теперь они, взявшись за руки, шли по улице Казанской. У него болтается жеребьим хвостом на затылке кисть волос, схваченных резинкой. Это Светка их так стянула. Пусть все видят, что парень у

неё не просто чувак, а художник. А у самой волосы каштановой волной. Ему нравилось, что у неё такие красивые волосы, и взмахивала она ими гордо. Ну и то, что Антон — творческая натура, подтверждают мазки оранжевой краски на джинсах — напоминание о Светкином купальнике с портрета.

Светка гордилась, что в кулинарном колледже учится не просто на повара по первым блюдам или кашам, а на кондитера. Станет мастерить тоже, считай, произведения искусства — торты и пирожные. Да и сама она в оранжевых шортиках в обтяжку — вроде тортика: фигурка, что надо, и обворожительные полненькие ножки, уже позолочённые загаром. А глаза... Наверное, таких красивых глаз, как у Светки, в их Крутогорске нет ни у одной девчонки. Во всяком случае, в этом был убеждён Антон.

А Светке было радостно, что благодаря ей получился у Антоши портрет, где она красавица из красавиц. Когда откроется по итогам пленэра выставка студенческих работ, конечно, все ойкнут и ахнут, увидев её необыкновенный портрет.

На радостях заглянули в Музей шоколада, недавно возникший в их городе. Угостил Антон Светку горячим шоколадом. Редкостный деликатес! Он и само его пробовал первый раз. А Света заявила, что обожает горячий шоколад. Видать, заглядывала сюда не раз. Теперь Антон любовался ею, тем, как ловко и красиво она держит фужер с шоколадом. А ещё поразило его то, какая современная, без предрассудков, его Светка.

На улице было знойно. Даже на асфальте, как на пластилине, отпечатывались каблукки. Неплохо было бы завернуть на городской пляж и окунуться. Светка была не прочь покрасоваться в купальничке и ещё раз ухватить загар.

Конечно, по дороге Антон не забывал целовать свою неотразимую натурщицу. Она делала вид, что недовольна уж очень неудержимым поклонником:

— Ты что хочешь, чтобы у меня губы раздулись, как у Маши Распутиной?

А у него была заготовлена для оправдания возвышенная и резонная фраза:

— Это преступление — не целовать тебя. Ты такая... — и, не находя слов, крутил пальцами в воздухе.

После моста через реку у спуска к пляжу взвизгнула тормозами и засигналила рядом с ними красивая, модная машина «Мерседес»-55 чёрного цвета. Подумал Антон, что кому-то другому сигналил водитель этой нарядной иномарки, а оказывается, ему. За рулём сидел не кто иной, как бывший одноклассник Мишка Скорев по прозвищу Хаджи-Мурат. Эту кличку придумал ему Антон после того, как Мишка наголо обрил голову и отрастил чёрную бороду. К Кавказу Мишка отношения не имел и вряд ли читал Толстого, но прозвище ему понравилось. Он при встрече скалил теперь зубы, изображая свирепого горца.

Мишка требовательно взмахнул рукой.

— Вы что, в этой болотине бултыхаться собирались?! Поедем на карьеры. Там чисто.

Река к этому времени обмелела и открыла песчаные косы и похожие на олады песчаные островки.

Удивлённые тем, что Мишка восседает в машине со своей чувихой Леркой, которую он называл жертвой его обаяния, Антон и Светка устроились на заднем сиденье и пустились расспрашивать, откуда у Мишки эдакая тачка и сколько стоит?

— Много будете знать, скоро состаритесь, — таинственно ответил Хаджи-Мурат. — Предположительно американская тётка Долли отчекрыжила мне миллион долларов.

— На природу хочу, на природу, — застучала босоножками стриженная под мальчишка Лерка. — Лошадей, брат, не жалея, гони скорей.

— На природу так на природу, — великодушно согласился Хаджи-Мурат и погнал «мерс», опережая владельцев невзрачных тихоходов. Изображая знающего толк в автомашинах, Мишка хвалил «мерс», говоря, что у него мягкая подвеска и вот их даже на рытвинах не трясёт, а как выглядит тачка — закачаешься.

Лерка, тряхнув объёмистой сумкой, вытащила три коньячные бутылочки, прозванные «мерзавчиками».

— Сухой паёк, — объявила она и протянула по бутылочке Антону со Светкой. — За радости земные!

«Мерзавчики», конечно, были кстати. У Антона со Светкой имелся повод — обмыть портрет, а у Лерки, наверное, в честь приобретённого Хаджи-Муратом «Мерседеса». Чокнулись «мерзавчиками», глотнули коньяку. У Светки нашлась в сумочке плитка шоколада. Приятно, когда всё складывается так удачно!

— За расширение кругозора! — выдал умную фразу Антон.

Для Лерки такое угощение выставить — пустяк. Она работает в магазине «Красное и белое», вина там залейся, причём, наверное, по дешёвой цене, а может, и бесплатно. Чокнулись ещё раз и ещё раз глотнули, доломав плитку шоколада. Мишка перехватил у Лерки «мерзавчик» и тоже пригубил.

— Обидно или нет, — объяснил он свой порыв и разинул рот, чтоб Лерка бросила «на зубок» шоколадный квадратик.

— Ты ведь за рулём, — напомнил Антон.

— Десятую миллилитра можно, — успокоил тот.

На карьерах — рукотворных озёрах, образовавшихся после выемки песка для изготовления силикатного кирпича, было не так людно, как на городском пляже, а вода и вправду оказалась чище, чем в реке. Благодать! Поплывать можно вдоволь, поцеловаться со Светкой над водой и под водой. Песок был здесь сухой и чистый. И день жаркий, весёлый, и настроение отличное. А ещё девчонки-красавицы были с ними.

Лерка, сняв платье, предстала во всей неотразимости. С «жертвы Мишкиного обаяния» можно бы-

ло писать кустодиевскую «Красавицу», потому что и тут, и здесь, и там у неё ощущалось богатство форм. Мишке нравились девахи в теле. И не только ему, потому что на Лерку косили глаз парни, игравшие неподалёку в волейбол.

Видать, большая убойная сила таилась в ее налитом бюсте и сильных ногах. Но Лерка, кокетничая, заявляла:

— Говорят, смех снижает вес. Расскажите что-нибудь смешное.

«А у меня Светка миниатюрная, точёная», — тщеславно подумал Антон.

— Жизнь даётся один раз и прожить её надо на курорте, — выдала афоризм Светка. А потом, схватив сухую валежину, кем-то воткнутую в песок, замерла в скульптурной позе. — Девушка с веслом, — крикнула она. Мишка с Леркой захохотали: похоже! Антон вспомнил рассказ Николая Осиповича о том, что позировавшая скульптору Шадру для девушки с веслом прославленная спортсменка Вера Волошина во время войны стала партизанкой, была схвачена фашистами и повешена. Прав был Николай Осипович, когда добавил, что нынешнее поколение из-за незнания смеётся над тем, что должно вызывать слёзы. «Потом обо всём расскажу Светке», — решил Антон, отбросив валежину в куст ивняка.

Лерка, расстелив скатёрку, достала бутерброды и конфеты.

— Угощайтесь!

— И под каждым ей кустом здесь готов и стол, и дом, — похвалил её Антон.

Видать, Лерка втюрилась в Мишку, потому что, подняв свой недопитый «мерзавчик», сказала:

— За настоящего мужчину, который может за себя постоять и за чужих полежать.

Мишка тоже оказался предусмотрительным. Он захватил с собой карты. Усевшись по-восточному — ноги калачом, стал показывать фокусы. Карты так и летали у него в руках, то превращаясь в веер, то в эдакий картопад, который вновь стекал в колоду. Предлагал Мишка сыграть в очко, но никто, кроме него, в очко играть не умел. Ограничились игрой в подкидного дурака.

Антон всех восхитил, когда сплавал на другой берег озера и преподнёс девчонкам по букету купавниц.

— Чемпион! — похвалила его Светка. Лерка с Мишкой похлопали в ладоши. Лерка сплела из купавниц венки и надела на голову Светке.

— Принцесса, — восхитилась она. Да, действительно, Света была неотразима.

— Ну, так что у тебя за американская тётка? — полюбопытствовал Антон, ложась на песок возле Мишки.

— Ты что, поверил? — сверкнув зубами, рассмеялся Мишка. — Угнал я «мерс» с соседней улицы. Стоит две недели бесхозно. Хозяева, наверное, в Турцию улетели. Вот я и взял взаймы. Сдал на права,

а потренироваться не на чем. А как открывать тачку без ключа, давно умею.

Вот так сюрприз! Антону вдруг расхотелось купаться и валяться на песке. Ну и устроил Хаджи-Мурат спектакль. За это ведь могут в тюрьму посадить. Угнал чужую машину.

— Да как ты мог? — возмутился он.

— Я говорю: всё замётано, всё продумано, — самоуверенно оборвал Мишка Антона.

Уверял в том, что всё «замётано», Мишка зря. Жизнь внесла поправки в Мишкины расчёты. Хозяйка «мерса» успела вернуться из Турции в Крутогорск и даже съездила в этот день на реку, чтобы омыть прах турецких дорог и насладиться купанием в пресной воде. Выйдя после обеда, она не обнаружила свою машину и, конечно, подняла хай.

Антон долго лежал на спине, прикрыв ладонью глаза. А сев, изрёк:

— Давай машину оставим около посёлка, а сами поедем на автобусе, — прошептал он Мишке. — Мне ведь на пленэр надо.

— Да ты что? — обиделся Мишка. — Что девчонки скажут? Я обещал Лерке с доставкой на дом. Поспеешь ты на свой пленэр.

Девчонки-то, наверное, не догадывались, что у Мишки машина ворованная и всё может кончиться плачевно. Надо сматываться, пока не поздно. Зачем Мишка-то кобенится? Антон корил себя за то, что согласился ехать, ведь заподозрил, что вряд ли машина Мишкина.

Оставить Мишку с его машиной и девчонками, уйти на автобусную остановку одному, сославшись, что надо к пленэру собираться, было как-то неудобно и стыдно. Скажут: сдрейфил. Слишком явно будет, что он испугался. Да и Светка обидится: оставил её. Все будут кричать, что он трус, что пленэр тут ни при чём.

Расхотелось болтать, травить анекдоты и даже плавать. Мишка, Мишка — прохиндей из прохиндеев.

Ещё когда учились они в шестом классе и ходили вместе в изостудию к Николаю Осиповичу, придумал Мишка розыгрыш для веселья. Пусть Антошка нарисует карикатуры на студийцев: высоченного Витю Солкина по кличке Каланча, симпатиченькую с длинными косами Соню Чижову, рыжего Андрея Зонова, а Мишка сделает подписи ко всем портретам. Вот будет смеху! Антошка нарисовал студийцев потешными уродцами, а Мишка, похотывая, сделал подписи. Однако веселья не получилось. Палкин и Зонов, увидев в коридоре эту портретную «галерею», стали показывать Антону кулаки. Разбирались на улице у глухой без окон торцовой стены. Досталось тогда Антошке, а Мишка оказался вроде и ни при чём. Сильнее всех рассердилась на Антошку Сонечка Чижова, которая всегда улыбалась ему. Дрожащими от обиды губами она прошептала:

— Я тебя ненавижу. Такое накорябать!

Конечно, кто обрадуется, прочитав под портретом красавицы с длинными косами надпись: «Корова Му».

Но больше всего возмущения было из-за карикатуры на долгоносого юркого Изьку Клойзнера, хотя получился он вроде смешнее всех — похожим на Изьку — эдаким жучком-долгоносиком. Мишка под этим рисунком написал: «Изька — жид по верёвочке бежит. Как верёвочка порвётся, так и жид перевернётся». Изька, увидев портрет, разревелся. А Николай Осипович страшно рассердился. Позвал Антошку и Мишку в свой узенький кабинетик, где хранил бумагу, краски, холст, и возмущённо спросил:

— Я что вас этому учил, чтоб вы такие паскудные шаржи рисовали?

— Я не рисовал, — оправдывался Мишка. — Я только писал.

Антошка понурил голову. Значит, его главная вина.

— Миша, приведёшь отца, а с тобой, Антон, я дополнительно разберусь, — пообещал Николай Осипович.

Но Мишка отца не привёл и вообще забросил студию. После этого Николай Осипович к Антошке построжал и даже перестал, как прежде, хвалить за эскизы, которые были исполнены лучше, чем у других ребят. Но, несмотря на провинность, когда Кондратов перешёл на работу в художественное училище, то из студийцев только одному Антошке Зимину предложил поступить туда.

А Мишка «малевание в гробу видел», потому что завлекала его торговля аквариумными рыбками, которых привозила ему из Москвы мать, проводница фирменного поезда «Крутогорск».

В Москве на Птичьем рынке стоили эти меченосцы и вуалехвостки копейки, а здесь запрашивал Мишка рубли. Мечталось ему на рынках сделать капитал, чтобы купить гитару и создать оркестр, который на всяких юбилеях и корпоративах будет заключивать крутые денежки.

Скатил он всех рыбок конкуренту, когда узнал, что открылся зоомагазин и там рыбок полным-полно. Стал подрабатывать Мишка на автомойке. А потом нашёл занятие ещё выгоднее.

Был он на выдумки горазд. Дед у него гнал самогон. Канистра с зельем стояла в ванной комнате. Отправляясь мыться, Мишка наливал самогонку во фляжку, а в канистру добавлял столько же воды, рассчитывая, что дед не догадается о Мишкиной проделке. В конце концов самогон так обессилел, что деда приятели-старички подняли на смех, когда он притащил в компанию и стал расхваливать доморощенный «первач».

Но самым главным для Мишки был сбор всяких железяк, которые складировал он за домом в зарослях репейника. Чего только не притаскивали взбодрённые Мишкиным самогоном корешки. Даже

крышки от уличных канализационных люков прихватывали, чтоб заслужить Мишкино расположение. А Мишке это надо было для того, чтобы заработать на металлоломе бабло.

Однажды Антошка так наугощался Мишкиным зельем, что явился домой пошатываясь. Впервые мама Тося натеребила его за волосы и так расплакалась, что Антошка сам заревел и поклялся, что больше пить никогда не будет.

Антон перестал спускаться в овражек, где устраивал Мишка пиршества с дедовым зельем. Да и, став студентом художественного колледжа, почувствовал себя серьёзным и почти взрослым человеком. Не до детских проказ. Да и времени свободного вовсе не стало.

И вот сейчас, на карьерных озёрах, понял с тоской Антон, что опять попал впросак, из которого надо как-то выбираться. Досидели до вечерних длинных теней.

— Поймают нас, — опасливо сказал Антон, когда шли к машине.

— Не бзди. Мы потемну проползём, и я поставлю «мерс» в тихом месте, — пообещал Мишка.

Девчонки, переодевшись в машине, рассматривали какие-то побрякушки.

— Клад, — кричала Лерка, надевая на шею цепочку. — Это американская бабушка послала.

Светка рассматривала сверкающие зеленью сережки.

— Золотые. Я о таких всю жизнь мечтала, — восторгалась она серьгами.

Откуда взялась эта косметичка с украшениями, Антон не знал. Наверное, из бардачка.

— Ну, вы положите обратно. Чужое ведь, — возмущился он.

— Старших надо слушаться, — назидательно одобрил Мишка и, застегнув косметичку на молнию, бросил, показалось Антону, не в бардачок, а в просторную Леркину сумку. А может, и нет. Ведь уже плохо было видно.

В город въехали в полумгле, когда легко можно было замешаться в непрерывной череде машин, возвращавшихся с дач и пляжей.

Вроде благополучно миновали стационарный пост ГАИ на въезде в город. Антон облегчённо вздохнул. Но как раз такого благополучия надо было опасаться, потому что дежурившие на посту гаишники сообщили о том, что чёрный «Мерседес» под заявленным номером проследовал к новому мосту.

Лерка, видать, была не только практична, но и догадлива. Увидев на повороте полицейскую машину с мигалками и гаишника с жезлом, крикнула Мишке: «Останови!»

Тот, развернув машину, помчался в обратную сторону. Пришлось притормозить около красного светофора возле церкви. Девчонки, воспользовавшись остановкой, выскочили из машины и бросились в проулок.

Около автозаправки «мерсу» преградила дорогу полицейская машина. Высокий гаишник, откозыряв, потребовал: «Предъявите документы».

Хаджи-Мурату предъявить было нечего.

— Пройдёмте, — приказал гаишник.

— И я? — растерянно спросил Антон.

— И ты, — с пренебрежением бросил гаишник.

У Мишки и Антона взяли в полиции на анализ кровь. Нашли алкоголь. Махотку выпили и попались. Но вовсе не выпитый коньяк поставили им в вину. И не только угнанную машину.

Ночь они провели в полицейском изоляторе. Был там ещё парень с синяком под глазом и ссадиной на щеке. Этот всё ругал себя за то, что зря ввязался в драку с полицейскими.

— Не надо было. Их трое, а я один. Метелят по чёрному, да ещё обещали добавить срок, — стонал он. — Ой, дурак я, дурак.

Антон с тоской думал о том, каким неудачливым оказался у него счастливый день. Завтра на пленэр надо ехать, а он тут...

Несколько раз принимался стучать в глухую железную дверь. Наконец открыл её сонный пожилой дядька в фуражке.

— Чего стучишь? — сердито бросил он.

— Дяденька, мне утром надо ехать на пленэр, — взмолился Антон. — Отпустите меня.

— Плен, а не пленэр теперь у тебя будет, — пригрозил дежурный. — Не стучи больше. Поутру следователь придёт. Он разберётся.

В полудрёме и в полуяви прошла эта ночь. Антон лежал на скамье, подложив под голову кулак. Думал о том, как легко можно навредить себе, испортить жизнь одной глупостью, о срывающемся пленэре, о матери. Какой стыд, что он попал в полицию. Мама, конечно, расплачется: «Эх, Антон, Антошенька, я ведь тебя предупреждала — не водись ты с этим Мишкой. До добра не доведёт».

Мишка сел на Антонову скамейку, начал нашёптывать, что не надо сознаваться насчёт девчонок. А то Лерку уволят из магазина, да и Светке не сладко придётся, когда станет известно, что был привод в полицию. Могут исключить из колледжа. А ему с Антоном условно дадут, потому что они просто покатались на машине и собирались её на место поставить. И хоть Антон ни о чём этом не думал, согласился: пожалуй, прав Мишка. О девчонках говорить не надо. А он-то, он-то ведь машину не угонял, просто сдуру сел в угнанный «Мерседес», потому что не знал об угоне. Должны его утром выпустить. Чист он, чист.

Утром, когда вызвали его после Мишки к следователю Виктору Викторовичу Гвоздеву в тесную комнатушку, где стол да два стула, Антон сразу сказал ему о пленэре:

— У кого учишься? — спросил тот.

— У Кондратова Николая Осиповича.

Следователь — невысокий плотный, с усиками, крутнул головой:

— Хороший художник Кондратов. Не обрадуешь ты его.

— Конечно, не обрадую, — удручённо согласился Антон.

О чём рассказывал следователю Хаджи-Мурат — Мишка Скорев, Антон не знал, но, судя по вопросам следователя, догадался, что Мишка в угонщики включил и его. Вместе-де решили покататься.

— Расскажи поподробнее и только правду, как вы со Скоревым угнали машину, — попросил следователь и добавил: — За угон полагается до трёх лет лишения свободы.

Антон поник. Ничего себе. Три года. Ни за что.

Он рассказывал о том, как всё было. Назавтра надо ехать на пленэр. Было очень жарко, и он решил искупаться. Когда прошёл мост, догнал его Мишка на машине и пригласил поехать на озёра. Там вода чище.

— Я и не знал, что машина у него чужая.

Следователь записывал молча, иногда уточнял:

— Ты сидел рядом со Скоревым и только смотрел в окошко и ничего не трогал?

— Я сзади сидел. А чего там трогать?

— Ну впереди бардачок такой есть. Ты мог перебраться на переднее место. Там что-то лежало?

— Нет, не трогал. Я сзади всё время сидел, — эхом откликнулся Антон. Девчонки-то там нашли побрякушки, вспомнил он. Но говорить об этом не стал.

— А вот хозяйка машины утверждает, что у неё была косметичка. А в ней золотая цепочка, браслеты, серёжки, кольцо с бриллиантом, которые она сняла на пляже перед купанием, а когда пошла в дом, то забыла взять с собой. Они и пропали.

— Не, ничего не видел, — замотал головой Антон, вспомнив, что, кажется, Мишка бросил пузатую косметичку в бардачок. А что с ней стало потом, откуда ему знать.

— Значит, такова се ля ви, что ты ничего не видел, не брал, — сказал следователь. — Прочти и подпись поставь, — и добавил: — А я думал, что ты чистосердечно признаешься, расскажешь реально, как всё было.

Следователю Виктору Викторовичу Гвоздеву вдруг вспомнилась эта фраза «шерше ля фам». «Не могли парни поехать купаться в такую даль на угнанной машине одни, без девчонок, — подумал он. — Надо же было им покрасоваться похрабриться, и, конечно, должна быть замешана тут женщина и не одна».

— Ну а девочки, которые были с вами, не могли потрясти бардачок? — глядя в глаза Антону, спросил следователь, снова вызвав его на допрос.

Антон растерянно отвёл взгляд.

— Да нет. Не было никаких девчонок.

— А твой приятель с бородой утверждает, что были, — взял его на арапа следователь.

— Да это незнакомые какие-то проголосовали, и Мишка посадил их, — нашёлся Антон.

— Ну-ка, подробнее. Что за девчонки? Как выглядели, как были одеты? И вообще приметы. У каждого преступления есть фамилия, имя и отчество. Как их звали? — «Значит, в яблочко попал с шерше ля фамом», — похвалил себя следователь.

Хорошо он расколол парнишку. Надо же было как-то подтвердить кражу.

Владелица «Мерседеса», уверенная, в годах, предпринимательница, твердила, что допустила оплошность, забыла косметичку захватить домой. Оставила в бардачке. И вот эти нахалы не только машину угнали, но и косметичку украли.

— Ну и во сколько вы оцениваете пропажу? — спросил следователь.

— Тысяч двести, — не моргнув глазом, выпалила пострадавшая. — Там ещё было кольцо с бриллиантом.

— Не хило, — вырвалось у следователя.

Узнав, что сын находится в полиции, Антонова мать Антонина Ильинична, Тося, в панике дозвонилась до Николая Осиповича. Несмотря на то, что тот был далеко, на пленэре, оставил своих подопечных под присмотром преподавателя скульптуры и вернулся в город.

Узнав о том, что Антоша Зимин в СИЗО, он решил, что должен всё объяснить следователю. Наверняка это недоразумение, потому что Антоша даже машину водить не умеет, а его обвиняют в угоне.

— А там ещё кража, — напомнил следователь.

— Не может этого быть, не было кражи. Антон — честный парень, — пытался убедить следователя Николай Осипович.

— Пострадавшая утверждает, что исчезли драгоценности на двести тысяч, — оглушил тот.

— Может, характеристики собрать и принести? — вовсе растерялся Николай Осипович.

— Характеристики не помешают, но это сути не меняет. Кража-то случилась.

Пришлось Николаю Осиповичу вместо одного дня задержаться в Крутогорске ещё на два, потому что встретился с Антошиной мамой и потребовал, чтоб та сходила в школу и взяла похвальную характеристику на Антона.

Впавшая в расстройство и растерянность Тося, не зная, что ей предпринять, чтоб спасти сына, готова была идти куда угодно, к кому угодно, лишь бы вызвать Антона. Она уже думала, что, может, в деревне Сколотни, где жил по летам у бабушки Дуни Антоша, попросить справку у главы поселения. Пусть бы написала, что ни в чём плохом не был замечен её Антон. Ещё от жильцов городского дома взять бумагу. Он же с детства тут живёт. И никто не жаловался на него.

Николай Осипович сам набросал характеристику от имени директора училища Ариадны Никитичны.

— Ну ты, Николай Осипович, как на лауреата Нобелевской премии представление накатал, — усом-

нилась та. — А может, надо объективку? От преподавателей требуют справку о том, что не судимы, а тут учащийся попал. Давай объективку.

— Какую ещё объективку? — озадачился Николай Осипович.

— Ну со всеми недостатками, — нахмурившись, потребовала директор.

— Недостатки там уже нашли. А вы эту характеристику подпишите. От вас не убудет, — потребовал Кондратов.

— Если бы убыло, я бы похвалу написала в стихах, — уела она Кондратова.

— Да уже написано. Подпишите. Гарантирую. Ни в чём Антон не виноват, — настаивал Николай Осипович.

Ариадна Никитична знала, что после этой истории начнут склонять училище. И ей достанется. И тут «объективка» была бы, конечно, лучше, чем хвалебная характеристика. Но, вздохнув, подписала бумагу. От Кондратова просто так не отделаешься. Допечёт. Да и жалко было Антошку Зимина.

Поймав ниточку насчёт посаженных в машину «случайных девчонок», следователь её не выпускал.

— Твой дружок считает, что взяли косметичку две незнакомые девчонки, которых вы высаживали по дороге, — говорил он Антону, — или ты, потому что Скореву некогда было рыться в бардачке. Он был за рулём.

— Я ничего не брал, я сзади сидел, — повторил Антон. Было противно изворачиваться и недоговаривать. Хотелось заплакать от бессилия.

— Выходит, не ту правду и не всю ты сказал, — настаивал следователь. — Так бы отделался двумя годами условно, а тут светит тебе солидный срок в колонии. Ведь только чистосердечное признание смягчает вину и позволяет изменить меру пресечения. А так дело «табак» у тебя.

Антон чувствовал вину, хотя вроде ни в чём не был виноват. Наверное, потому возникло это ощущение, что не всю правду сказал следователю. А правду нельзя было говорить, потому что это принесло бы больше вреда, чем пользы. Светка и Лерка попали бы в СИЗО. А если сказать, что, возможно, они взяли побрякушки госпожи Ситчихиной, то их посадят в колонию. А это невозможное дело, потому что колония ломает им жизнь. Там такие оторвы сидят. Антон смотрел по телевизору сериалы про тюрьму и представлял, какие там нравы. Чтобы его Светка оказалась там. Ни за что!

Избрал следователь меру пресечения — взятие под стражу. На той же полицейской машине вместе с Мишкой повезли их куда-то на окраину города в СИЗО. Антон окончательно понял, что не выпустят его и никакого пленэра ему не видать.

Вот и спрятавшееся за каменным забором с кудрявой вьющейся проволокой поверху здание изолятора. В тюрьме он ни разу не бывал. За их спиной